

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев
Ив. Шмелев «Суровые дни»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2806305

Аннотация

«Прекрасная книга Ив. Шмелева была уже отмечена при своем появлении сочувственными откликами. К сожалению, этих откликов было немного, и сила их не соответствует силе и значительности „Суровых дней“ – бесспорно лучшего, что появилось о войне в русской литературе...»

Леонид Николаевич Андреев Ив. Шмелев. «Суровые дни»

Прекрасная книга Ив. Шмелева была уже отмечена при своем появлении сочувственными откликами. К сожалению, этих откликов было немного, и сила их не соответствует силе и значительности «Суровых дней» – бесспорно лучшего, что появилось о войне в русской литературе. Если англичанин Уэллс отозвался на мировые Содом и Гоморру устами и сердцем «писателя м-ра Бритлинга»¹, мыслителя и переоценщика культурных ценностей, то великое мужицкое царство российское, всколыхнутое войной, должно было дать иные отзвуки. И эти отзвуки, тяжелые и скорбные, невнятные и глубокие, как первые слова пробуждения, – чутко уловил и передал Ив. Шмелев, правдивейший из русских писателей. Правдив он как на исповеди, правдив торжественно и просто, как в предсмертный час.

Кто еще умеет плакать над книгой, тот не может не за-

¹ «...писателя м-ра Бритлинга». – Речь идет о герое антивоенного романа Г. Уэллса «Мистер Бритлинг пьет чашу до дна» (1916). В переводе М. Ликиардопуло с рукописи на русский язык роман напечатан в журнале «Летопись», 1916, № 7-11.

плакать над многими страницами «Суровых дней». И только чрезмерной мнительностью молодой русской интеллигенции, которая с самого начала войны все боится, как бы «гуманность не потерять и как бы ее солдат не изнасиловал», можно объяснить нерешительность и осторожность вялых критических отзывов. Как мало у нас любят и чтут свою литературу, как не доверяют ей! Там, где свободно можно говорить о «перлах творения» – там глухо бормочут что-то об отсутствии «художества» и злободневности, о недурных «очерках»; даже слезам своим не доверяют и, плача, всё сворачивают на лук.

Не буду говорить об отдельных рассказах, естественно не равноценных по силе и изобразительности. Важно то общее, что стоит за всеми за ними: жуткая скорбь мужицкого царства, призванного на кровь, его смутные и несмелые надежды, его темный труженический лик, покорно обращенный к Богу правды и справедливости. Ныне стало избитым и потеряло свой истинный смысл слово «герой», печатающееся на визитных карточках, – но если ценна еще людям правда и простота, безмолвная и железная покорность долгу и воистину святая скромность, то нам, русским, недалеко искать своего героя.

С легкой руки надменных «новозападников» наших мужик попал в хамы и безнадежные эфиопы ^[1]. Нежно и любовно, трепетно и чутко, как верующий к ранам Христовым, подошел Ив. Шмелев к этому «эфиопу» и новой красотой

озарил его лапти и зипуны, бороды и морщины, его трудовой пот, перемешанный с неприметными для барских глаз стыдливими слезами. Нет на этом мужике сусальной позолоты прекраснодушного народничества, ничего он не пророчествует и не вещает вдаль, но в чистой правде души своей стоит он как вечный укор несправедливости и злу, как великая надежда на будущее: дурные пастыри, взгляните! Дурные пастыри – учитесь!

Примечания

1.

С легкой руки надменных «новозападников» наших мужик попал в хамы и безнадежные эфиопы. – Андреев имеет в виду статью Д. Тальникова «При свете культуры» (Чехов, Бунин, С. Подъячев, Ив. Вольный) в журнале «Летопись», 1916, январь. Статья эта, по существу, выходила за рамки обычной литературно-критической статьи и затрагивала вопрос о роли и месте крестьянства в общественной жизни. Работа Д. Тальникова над статьей была хорошо известна М. Горькому, который в письме Д. Тальникову от 15 июня 1915 г. настоятельно рекомендовал особое внимание обратить в статье на то, как изображают деревню сами крестьянские писатели (АГ, ПГ-рл 43-10-2). «На фоне современной цивилизации, – писал Д. Тальников в статье, – в кругу идей передового человечества, как сумрачный призрак древних времен встает современная деревня, оторванная от общей жизни народов гранью тысячелетий. В этой деревне таится та опасность для городской культуры, та преграда обновлению всей нашей жизни, которую мы так определенно почувствовали в недавние годы всеобщего подъема». По мнению Д. Тальникова, – мужик «застрял на той же „рюриковой“ точке развития, на какой был тысячу лет назад, глухой ко всем голосам жизни, всему великому и прекрасному миру, – навеки „духовно почил“. В своей вынужденной

абсолютности он стал неподвижным оплотом азиатчины, элементом, чуждым сложным общественным отношениям современности». Статья заканчивалась словами: «Нужно решить, наконец, с Европой ли мы, с Чеховым и Буниным, Тургеневым и Герценом, – или с Азией, Достоевским, Аксаковым, со всей неизжитой „древней Русью“» (Летопись, 1916, январь, с. 278, 296, 299). Статья Д. Тальникова стала началом полемики. Намекали на то, что эта статья инспирирована М. Горьким. Евг. Чириков в статье «При свете здравого смысла» (Современный мир, 1916, № 2, отд. 2, с. 88) писал об этом без обиняков. «Он, – указывал Евг. Чириков на Д. Тальникова, – „творил волю пославшего“». Только. И выполнил свое дело отменно, по рисункам великого маэстро, автора «Двух душ». Известно, что М. Горький не был удовлетворен ранним вариантом статьи Д. Тальникова (см. письмо М. Горького К. А. Треневу от 5 марта 1916 г. – ЛН., т. 70, с. 441). Остался он не доволен статьею и после того, как Д. Тальников ее переделал (см. письмо М. Горького Д. Тальникову от 10 сентября 1916 г. – АГ, ПГ-рл 43-10-4). Д. Тальников намеревался ответить Евг. Чирикову, однако М. Горький от имени редакционной коллегии «Летописи» новую статью Д. Тальникова отклонил, заявив, что журнал располагает достаточными фактами, чтобы доказать свою правоту. Таким образом, рецензия Андреева на «Суровые дни» И. С. Шмелева была одновременно и полемикой его с М. Горьким,

хотя М. Горький в рецензии и не упомянут.